ЕВРОПА 18.07.2022 | Алексей Юсупов

Сила и бессилие санкций

Рост доходов бюджета и крепкий рубль: кажется, Россия справляется с санкциями. Насколько эффективны штрафные меры Запада?

Когда началась война в Украине, дальнейшее развитие событий многим казалось предопределенным. Российские войска в течение нескольких дней одержат победу, а затем беспрецедентные санкции Запада поставят экономику России на колени. Но все вышло с точностью до наоборот: вторжение длится уже пятый месяц, а экономический коллапс России так и не произошел. Рубль силен, как и до аннексии Крыма, уровень безработицы низок, госбюджет наполняется, а дефолт по внешнему государственному долгу Кремль называет западной пропагандой. Неужели санкции бессильны? Не просчитался ли Запад?

До нападения на Украину экономика России была в хорошем состоянии. Страна уверенно преодолела последствия пандемии, достигнув роста внутреннего валового продукта (ВВП) в 3,5 процента. Заметно выросли доходы населения, снизился уровень безработицы; статистика в области туризма и количество сделок по предоставлению частных кредитов прыгнули вверх. Государственный бюджет был сбалансирован и наполнен, деловые настроения – оптимистичны. А затем последовало решение о войне.

Глобализированная экономика России (ее доля импорта в ВВП самая высокая среди стран БРИКС) никогда прежде не сталкивалась с такой блокадой. Только замороженные активы Центробанка России составили от $300 млрд до $400 млрд, что значительно превышает все валютные резервы Немецкого федерального банка. Такого Москва от Запада действительно не ожидала: курс рубля рухнул. В первые две недели войны российские банки сообщили об оттоке свыше $30 млрд со своих счетов. Начался настоящий штурм магазинов.

Правительство и Центробанк отреагировали молниеносно: ввели валютный контроль, закрыли фондовый рынок, повысили учетную ставку в два раза – до 20 процентов, а также установили новые

правила продажи валютной выручки частных предприятий. По факту Кремль замкнул ликвидный капитал на внутренней экономике России и таким образом добился ее стабилизации. Следует признать, что это сработало и стало серьезным успехом российского правительства.

Никогда еще глобализированная экономика России не сталкивалась с такой блокадой

Итак, первая атака санкциями была ловко отражена за счет «искусственной комы». Но обратной стороной этой защитной стратегии стал ощутимый спад экономической активности: население и бизнес снова вернули деньги в банки, и теперь они там «зависли». Иностранные инвестиции, которые очень важны для России, вряд ли восстановятся.

Россия оказалась на пороге тяжелой рецессии, и это факт. Прогнозируемый спад экономики составит от 10 до 15 процентов ВВП. Но более важным является вопрос о том, что будет дальше. На графиках анализ рецессии часто иллюстрируют буквами V, U, W или K. V обозначает короткий резкий спад и быстрое восстановление – собственно наилучший сценарий после пережитого потрясения. Буква U имеет глубокую впадину – экономике требуется более длительное восстановление после затяжного кризиса, W описывает «вторую волну», длительный период сильной турбулентности с последующим восстановлением до докризисного уровня, а K – процесс восстановления по отдельным секторам. Но прогноз для России другой, его символом является буква L. Этот сценарий описывает значительное падение производства, которое остановится лишь на существенно более низком уровне и за которым не следует восстановление.

В этом контексте первоначальные успехи финансовой и валютной стабилизации выглядят менее впечатляюще. Настоящим вызовом для России является континентальная изоляция и исключение из цепочек торговли товарами и поставок. По сути, мы становимся свидетелями уникальной деиндустриализации, отбрасывающей достаточно развитую капиталистическую экономику на 30 лет назад. То есть не коллапса, а регресса. Это можно продемонстрировать на примере следующих четырех наблюдений.

Первое. Начальные симптомы кризиса наблюдаются на рынке труда: уменьшение номинальной заработной платы из-за закрытия предприятий или сокращения рабочего дня. В России это навязывается государством и должно финансироваться компаниями

из собственных средств, чтобы скрыть «реальный» уровень безработицы. Падение уровня заработной платы в зависимости от отрасли составляет от 8 до 25 процентов. Некоторые государственные предприятия готовят своих рабочих к самообеспечению и раздают дачные участки. Частным решением вопроса с продовольствием планируется перекрыть проблему с зарплатами.

На порталах по трудоустройству появляется все меньше вакансий и все больше заявок на трудоустройство. Около 12 процентов формально занятых россиян (примерно 8 млн человек) зависят от иностранного капитала, присутствия соответствующих компаний и ненарушенных торговых отношений. Уход или замораживание деятельности иностранных производителей (Volkswagen, Peugeot, Volvo, Bosch, Ikea и т.д.) ощутимо бьет и по российским фирмам-поставщикам. К концу года рост безработицы неизбежен. Его последствия можно уже видеть в секторе розничной торговли и в российских платежных системах. Потребительские настроения резко ухудшаются.

К концу года рост безработицы неизбежен

Второе. В последнее время официальная статистика о таможне и торговле засекречена, и для анализа приходится использовать непрямые данные и статистики экспорта торговых партнеров. Но тенденция очевидна. Из-за импортно-экспортных санкций, закрытия европейского воздушного пространства и нарушения логистических маршрутов (ЕС с долей в 36,5 процента играла главную роль в общем объеме импорта) импорт в Россию обвалился на 60 процентов.

Стоит учесть еще и последствия глобального кризиса логистики и контейнерных поставок, возникшие в тени пандемии. Однако сейчас нет возможности ввезти в страну не только потребительские товары, но и, прежде всего, технологические разработки, необходимые для производственных процессов в России. На глазах ухудшается состояние самых разных секторов промышленности: производство стали снизилось на 25-30 процентов, древесины – до 80 процентов. К концу мая автопром сократился на 97 процентов (!) от прежнего объема производства.

Российское государство пытается заполнить пробелы в промышленности, образовавшиеся после ухода таких

транснациональных корпораций, как Stellantis (Peugeot, Citroën, Opel, Jeep и Fiat), посредством реанимации отечественного автомобилестроения, но только на более низком технологическом уровне – без подушек безопасности, систем ABS и сложной электроники. В срочном порядке организуется производство отечественных заменителей упаковок Tetrapak, мелкой бытовой техники, Coca-Cola и McDonalds. Кое-что удастся сделать, но замена компьютерных чипов, серверов, промышленных вычислительных машин и смартфонов просто невозможна сама по себе.

Третье. Китай не стал спасителем в трудные времена. За прошедшее время объем импорта из КНР сократился вдвое. Китайская международная платежная система Union Pay не смогла занять нишу, оставленную после ухода MasterCard и Visa. Российские самолеты не садятся в китайских аэропортах из-за опасений попасть под конфискацию по требованию западных лизинговых фирм. Несмотря на легализацию так называемого параллельного импорта, надежды Кремля на быстрое переформатирование торговых связей пока что совершенно не оправдались. Китайские фирмы избегают схем, из-за которых они могли бы попасть под вторичные санкции Запада.

Китайские фирмы избегают схем, из-за которых они могли бы попасть под вторичные санкции Запада

В результате нет поставок китайских запчастей для гражданских самолетов. Huawei закрывает свои филиалы, Lenovo и Xiaomi также тихо исчезают из России. Кроме того, Китай лишь частично может рассматриваться в качестве нового клиента для энергопоставок, позволяющего уйти от западного эмбарго на нефть и отказа от поставок газа. По российским оценкам, строительство необходимых трубопроводов и инфраструктуры может занять до десяти лет.

Четвертое. Сильный рубль – не показатель бессилия санкций, а, по сути, индикатор масштабов изоляции России от мировой экономики и массового падения внутреннего спроса. На фоне импортных потерь профицит счета текущих операций составил более $110 млрд. Обвал спроса на рубли укрепляет курс российской национальной валюты. Это, в свою очередь, осложняет конкурентную ситуацию для переориентировки российской промышленности. «То, что считалось главным и важнейшим, экспорт, сегодня становится ядом для экономики. Импорт... становится главным лекарством от болезни в виде укрепления рубля и, собственно говоря, уничтожения национального производства – все перевернулось», – так

охарактеризовал тупик, в котором оказалась российская экономика, глава Сбербанка Герман Греф.

Так можно ли считать санкции Запада успешными? Ответ прежде всего зависит от ожиданий, связываемых с ними. В одном можно быть уверенным: санкции войну не остановили. Благодаря грамотной валютной и финансовой политике России удалось нейтрализовать первый удар. Вряд ли санкции приведут и к более быстрому завершению войны в Украине. В данном контексте возникают сомнения в способности санкций повлиять на политическое поведение. Санкции Запада стали драматической переломной точкой в отношениях с Россией. Инструменты санкций перестали быть «умными» и избирательными, они обрели системный и карательный характер. Платить по счетам приходится российскому обществу, которое в отличие от крепнущих олигархии и власти не видит реального выхода из надвигающегося экономического тупика. Война стоит России ежедневно около $500 млн. Из-за санкций еще больше ограничиваются возможности наполнения бюджетов. Неясно, откуда брать ресурсы для поддержки малообеспеченных россиян.

Тем не менее западные санкции эффективны и являются логичной реакцией на войну. Они запустили спираль кумулятивных эффектов и тем самым повысили цену российской трансгрессии. Последствия изоляции России накладываются друг на друга и со временем усиливаются. Проблемы с импортом, уход иностранных корпораций и перебои с обеспечением западными технологическими компонентами уже разрушают цепочки создания добавленной стоимости в стране. Промышленное производство останавливается. Это усугубляется растущими проблемами по техническому обслуживанию, отсутствием обновлений программного обеспечения и критически важных компонентов.

Россия переживает технологический спад, который ощутит на себе каждый житель этой страны. Конкурентоспособность Российской Федерации разрушается. Слишком сильный рубль, дорогие поставки, потребители с пустеющими кошельками, скептически смотрящие в будущее, и технологические проблемы ставят крест на предыдущей модели экономического роста России. Историческая эпоха благополучия, начавшаяся 23 года назад с первой президентской каденцией Путина, осталась в прошлом.

Алексей Юсупов

Берлин

Алексей Юсупов (Alexey Yusupov) – руководитель Российской программы Фонда им. Фридриха Эберта. Ранее он возглавлял Представительства Фонда в Мьянме, Афганистане и Казахстане. Он также работает политическим консультантом и модератором.